

На исходе второго или третьего месяца после наступления Нового года в провинции Бинчжоу обычно начинало теплеть. Но нынешняя зима выдалась лютой, и даже в эту пору в воздухе всё еще разливалась ледяная стужа.

Госпожа Чжан проснулась от пронизывающего холода. За окном стояла непроглядная темень. Она коснулась рукой края кана — тот был совершенно ледяным.

Пробормотав проклятие, старуха, дрожа всем телом, натянула одежду и, опираясь на дверной косяк, вышла в общую залу. В этом доме она прожила не один десяток лет и знала каждый угол: даже с закрытыми глазами она могла дойти до очага, не задев мебели.

Она просунула руку в топку в восточной половине дома — ни капли тепла. Заглянула внутрь, но не увидела даже крохотной искры.

Старуха проковыляла к западному очагу. Дверца была закрыта; она пнула её ногой, и взору открылись раскаленные угли — толстое полено еще не успело прогореть до конца.

— Будь вы прокляты, изверги! Натопили так, что поджариться можно! — закричала госпожа Чжан, обращаясь к западной комнате. — Паршивцы окаянные! Мать жилы рвала, чтобы вас вырастить, женила, в люди вывела, а теперь и на теплом кане поспать не дает! Не бойтесь, что отец ваш с того света придет и спросит с вас за такую заботу?!

В западной комнате жили Ли Маогуй с женой. То ли они спали мертвецким сном, то ли притворялись, что не слышат, но за дверью царила тишина.

Старая госпожа дважды ударила ногой в дверь:

— Решили меня известить, так и сами покоя не обрящете! Вставайте! Все живо вставайте!

Ли Маогуй поначалу пытался прикидываться спящим, но жена так больно ущипнула его за бедро, что он невольно вскрикнул.

Чуткое ухо старухи тут же уловило звук:

— Старший, пес ты шелудивый! Мать твоя коченеет от холода, а ты жену обхаживаешь на горячем кане?! Совесть твою собаки съели! Как ты только в глаза мне смотреть смеешь после такого?..

Мужчина втянул голову в плечи:

— Матушка, ночь на дворе, не шумите вы так... Завтра во всём разберемся.

— Завтра?! Да я до завтра дух испущу от холода! — взвизгнула госпожа Чжан. — А ну выметайся! И жену свою ядовитую прихвати! Знаю я, чьих это рук дело. Ты у меня всегда был трусом, это наверняка эта гадина устроила! Совсем страх потеряла: я её в узде не держала, так она теперь мне на голову сесть решила?!

Госпожа Дэн, которую бесцеремонно разбудили, наконец не выдержала. Она села на постели и громко огрызнулась:

— Тьфу! Сами живем в халупе, где и трех целых черепиц на крыше не сыщешь, а всё туда же — мните себя знатной госпожой и требуете почтения! Лицо-то не треснет от важности?!

Старая госпожа, и без того кипевшая от ярости, схватила метлу и ворвалась в комнату. Она принялась без разбору колотить по кану, заставляя Ли Маогуя и его супругу вскрикивать, когда жесткие прутья задевали кожу.

От такого шума проснулась и семья Ли Маошэна, жившая в пристройке. Слушая, как в главном доме вопят и ругаются, они поняли, что сна больше не будет. Ли Маошэн, не желая вылезать из-под теплого одеяла, пнул госпожу Пань:

— Поди уйми их, пусть рты закроют!

Женщина от боли выругалась, нехотя оделась и вышла в залу.

Лицо госпожи Дэн было расцарапано прутьями метлы до крови. Если бы муж не обхватил её крепко за талию, она бы бросилась на старуху и вырвала у неё кусок плоти.

Ли Маогуй взмолился:

— Матушка, пощадите! Мы не со зла не топили, дров в доме почти не осталось. Раньше-то Маоцюнь всегда хворост рубил, а в этом году он всё бросил и уехал, вот и приходится мерзнуть.

Госпожа Пань пришла вовсе не мирить родню. Она заглянула в обе топки и скривилась:

— Старший брат, если дров нет, то что же у вас в очаге так пылает?

— Это из моего родного дома привезли! — госпожа Дэн со злостью сплюнула на пол. — Была бы ты девкой из приличной семьи, и тебе бы привезли, да только за твоими родными, кроме дырок в карманах, ничего не водится!

Семья госпожи Пань была бедна, и такие упреки она ненавидела больше всего на свете.

— Мы еще не разделились, а старшая невестка уже границы проводит? — вкрадчиво проговорила она. — Хотелось бы знать, кто в этом доме на самом деле хозяин!

— Ах ты, тварь подстрекательница! Я тебе сейчас язык-то укорочу! — Дэн вырвалась из рук мужа, повалила невестку на пол и принялась неистово рвать ей волосы и раздавать пощечины.

Пань, опешив от первого натиска, быстро пришла в себя и вцепилась врагу в лицо. Женщины катались по полу, осыпая друг друга ударами и проклятиями.

Шум не утихал до самого рассвета. И у Дэн, и у Пань лица были в ссадинах, голоса охрипли, но они всё равно продолжали яростно поносить друг друга.

Госпожа Дэн нравом пошла в свою мать: её голос гремел на всю округу. Она поносила своего мужа за никчемность, проклинала старую Чжан за вечные придирки, честила вторую ветвь семьи за лень и обжорство. Досталось и Ли Маоцюню — его она обвиняла в том, что он только ест и не работает, заставляя братьев кормить его. В конце концов она принялась поминать предков клана Ли до восемнадцатого колена, и каждый её выкрик был слышнее прежнего.

Соседи только вздыхали: за какие грехи им досталась такая родня? Скандалы вспыхивали каждые три дня, и от этих криков дети в округе заходились в плаче.

Ли Цинъюн, которого отец поднял ни свет ни заря, чтобы отвезти кое-какие вещи, как раз проходил мимо их ворот. Услышав, как госпожа Дэн костит предков клана Ли, он в ярости ударом ноги распахнул калитку:

— Какое ты право имеешь поносить наш род?! Чем тебе мертвые не угодили? Лежат в земле, покоя не знают, пока ты тут рот своей поганью кривишь!

Обычно госпожа Дэн не смела связываться с людьми Ли Бэньшаня — тот был уважаемым старшим и всегда помогал их семье, так что перед ним она пасовала. Но сейчас, не выспавшаяся и злая от боли, она не выдержала. Увидев, что какой-то мальчишка тычет в неё пальцем, она захлебнулась в потоке грязных ругательств.

Юн-цзы был в том возрасте, когда не ведают страха. Он вдребезги разбил миску и с кулаками бросился в гущу ссоры.

Соседи, испугавшись, что дело кончится бедой, поспешили за Ли Бэньшанем.

Второй дедушка пришел вместе с сыновьями. С большим трудом им удалось разнять дерущихся. Ли Бэньшань не проронил ни слова, лишь велел всем немедленно идти к нему в дом.

Всё утро деревенские только и обсуждали потасовку в доме Ли Маогуя. Зимой дел было немного, так что свежие сплетни были слаще меда.

— И нечего удивляться, что Ли Маоцюнь сбежал. Кто в здравом уме захочет в таком аду жить? — вздыхали женщины, собравшись у колодца. — Стоило Ли Маоцюню уйти, как они вцепились друг другу в глотки. А всё почему? Работать некому стало, забот прибавилось, вот и ищут, на кого бы свалить. Один другого пихает, а как слов не хватает — в ход идут когти.

— А мать-то их прикидывается, будто не понимает ничего. Маоцюнь за двоих братьев работал, а она на него вечно волком смотрела. Сын от такой жизни и сбежал, а теперь-то она небось локти кусает.

— Еще как кусает! Сначала-то всем трезвонила: мол, нечего потакать его капризам, пока не приползет прощения просить — на порог не пушу. А теперь-то что? Одурела от ожидания. Перед Новым годом даже к Ли Маосяню бегала скандалить, кричала, что это он её сына сманил. Смех, да и только! Весь двор видел, как Маоцюнь сам за Ли Цинжуем побежал. Старуха видать и глазами ослепла, и сердцем зачерствела.

— Скажите на милость, неужто она думала, что от Ли Маосяня доброе слово услышит? Если бы не уважение к Ли Бэньшаню, тот бы её пинком до самого уезда отправил!

— Да она только и может, что перед вторым дедушкой вдову корчить да канючить, а в другом доме её бы и слушать не стали...

Пока они судачили, в комнату вбежал мальчишка:

— Матушка! В деревню две кобылы въехали! Статные, важные!

— Ох, к кому это гости пожаловали? — всполошились женщины. — У чьих ворот телега встала?

— Да не гости это, наши вернулись! — мальчик вытер нос рукавом. — Братья Ли Цинжуя и дядя Маоцюнь с ними!

— Помяни черта, как говорится! Только косточки им перемыли, а они тут как тут, — удивилась одна из женщин. — Да только не вовремя они. В их доме еще старые обиды не улеглись.

Ли Маоцюнь дошел до знакомых ворот и жестом велел Ли Маосяню возвращаться к себе. Сам он не спешил входить, а лишь стоял неподвижно, вдыхая морозный воздух.

Совсем недавно он грелся на кане в доме Ли Маосяня, сытно обедал, и тело его еще хранило то благодатное тепло, но здесь, у родного порога, его мгновенно пробрал озноб.

Толкнув дверь, он услышал знакомые, осточертевшие за годы крики. Не замедляя шага, мужчина прошел внутрь.

Мать Юн-цзы как раз собиралась выплеснуть воду за порог. Увидев его, она на миг замерла, а потом расплылась в радостной улыбке:

— Ох, Маоцюнь! Когда же ты вернулся? Ел ли чего? Давай-ка я тебе состряпаю по-быстрому!

— Не нужно, невестка, я сыт по горло!

Она за руку потащила его в дом:

— Заходи скорее, на улице стужа. Второй дедушка о тебе всё утро справлялся, вот радость-то будет...

Ли Маоцюнь уже знал о домашних распрях от Ли Маосяня. Войдя в комнату, он увидел и мать, и братьев с женами. Ни тени удивления не отразилось на его лице. Он поклонился сидевшим во главе стола Ли Бэньси и Ли Бэньшаню:

— Первый дедушка, второй дедушка, я вернулся.

С его появлением в комнате на мгновение воцарилась тишина. Ли Бэньшань поднялся навстречу:

— Ну, наконец-то! Жив-здоров? Как дорога, не слишком ли тяжелой была?

— У Ли Маосяня пообедал, — ответил Ли Маоцюнь. — Уезжал я в спешке, заставил вас, дедушки, тревожиться.

Не успели они обменяться и парой фраз, как Ли Маошэн, стоявший у стены, ядовито вставил:

— Ох и ловок ты! Пропал на месяцы, о доме и не вспомнил. Ты-то там в довольстве жил, а мы тут за тебя горе мыкали. Есть ли у тебя хоть капля совести перед матерью?!

Ли Маоцюнь с малых лет дрался с братьями и знал их натуру как облупленную:

— Уехал я, чтобы рож ваших кислых не видеть, — отрезал он. — Вам же спокойнее: не надо за «домашним вором» приглядывать. Всем облегчение вышло.

Старая госпожа Чжан гневно сверкнула глазами:

— Как ты со старшим братом разговариваешь? Видать, в чужих краях совсем волю почувствовал. Думаешь, места тебе в этом доме нет?

— Матушка, в этом доме мне места всегда было достаточно, а вот покоя — никогда, — проговорил Ли Маоцунь. — Если закончили лаяться, расходитесь по домам. А в следующий раз не волосы друг другу рвите, а за ножи беритесь — так хоть одним дармоедом меньше станет. Чего впустую языками чесать?

Ли Маогуй в поисках поддержки посмотрел на Ли Бэньшаня:

— Второй дедушка, вы только послушайте, что этот нехристь несет!

Ли Бэньшань всегда любил младшего племянника и, проигнорировав жалобу, промолвил:

— В прошлый раз, как из города вернулись, мы и поговорить-то не успели. Столько месяцев прошло, пусть он у меня посидит. А вы, если дел нет, ступайте к себе.

Ли Маошэн сощурился:

— Послушай! Если ты и впрямь такой гордый, то забудь дорогу к нашему порогу навсегда.

Увидев его гнусную ухмылку, Ли Маоцунь невольно сжал кулаки. Сыновья Ли Бэньшаня тут же шагнули вперед:

— Полно тебе, Маоцунь. Только вернулся, не стоит из-за этой падали кровь портить.

Понимая, что в доме второго дедушки все на стороне Ли Маоцуня и выгоды им здесь не светит, Ли Маошэн смачно плюнул на пол и вышел прочь. Жена его тенью последовала за ним.

Ли Маогуй, всегда робевший перед авторитетом Ли Бэньшаня, тоже потащил свою супругу к выходу. Лишь старая госпожа Чжан осталась на месте, не двигаясь с края кана.

Ли Маоцунь ровным голосом произнес:

— Матушка, я вернулся ненадолго. Скоро снова уеду и, возможно, уже не вернусь. Так что не бойся: больше я твоих соколов-сыновей не трону.

Старуха вскочила и, тыча пальцем ему в лицо, закричала:

— Это что же ты мелешь?! От матери родной отрекаешься?! Пес неблагодарный! Я о нем каждую ночь слезы лила, а он — вон как заговорил!

За тридцать лет он слышал эти причитания сотни раз. Ли Маоцюнь лишь покорно кивал:

— Да-да, я — неблагодарный сын. Гром и молния меня пришибут, и поделом будет.

Мать Юн-цзы поспешно зашипела на него, похлопывая по плечу:

— Маоцюнь! Взрослый ведь муж, не смей такими словами бросаться!

Госпожа Чжан нутром чуяла: если старшие сыновья говорят такое в сердцах — это лишь пустой звук, но если младший заговорил в подобном тоне, значит, решение его твердо. Сердце её предательски сжалось.

— Второй дедушка, вы слышали?! Этот изверг родную мать бросает на произвол судьбы...

Старая госпожа за долгую жизнь натворила немало бед, но одного у неё было не отнять — житейской хитрости. Она знала, что из троих сыновей только Маоцюнь на что-то годен, остальные двое — хуже болотной жижи. Она всё пыталась удержать его в ежовых рукавицах, а он, вишь, крылья расправил и улететь вздумал!

От страха старуха повалилась на пол и, хлопая себя по бедрам, запричитала:

— Ох, небеса, за что мне такая кара?! Вдова вдовая, муж в сырой земле, сыновья — ироды, невестки смерти моей ждут...

Ли Маоцюнь, давно привыкший к этим спектаклям, присел перед ней:

— Матушка, когда я в прошлый раз вернулся, я хотел просить о разделе хозяйства...

— Разделе?! Ишь чего захотел! — старуха мгновенно перестала плакать и задрала подбородок.
— И не надейся на те несколько му земли! Пока я жива, ни земли, ни дома вы не получите, так и знайте!

Для госпожи Чжан в жизни было две опоры: власть над сыновьями и клочок земли. Пока она держала это в руках, никакая беда ей была не страшна.

Сын давно знал, что мать думает только о себе, и обида в его сердце притупилась. Он крепко сжал её плечи и твердо произнес:

— Я всё равно уеду. Положенную долю зерна я тебе пришлю, обиды не будет. Но если ты еще раз осмелишься тревожить моих дедушек, я стану первым в роду Ли, кто проклят будет за непочтение к родителям.

Глаза старухи хитро забегали:

— Сначала скажи, сколько зерна и серебра дашь? Мне ведь не только есть, но и одеваться нужно. Каждый год — по два новых платья, и не меньше!

Домочадцы Ли Бэньшаня и раньше знали, что госпожа Чжан стыда не ведает, но от таких слов только языками причмокнули. Они сами за всю жизнь доброй новой одежды не видывали, а она — по две в год требует! Совсем с ума сошла.

Ли Маоцюнь криво усмехнулся:

— Видно, и впрямь быть мне проклятым сыном. Матушка, я не боюсь гнева отца, не боюсь и молнии. Уж лучше быть неприкаянным духом, чем гнить в родовом кладбище без капли свободы.

Поняв, что младший сын вошел в тот раж, когда спорить бесполезно, старуха тут же сменила тон:

— Ладно, обойдусь без обновок, отдай деньгами. Четыреста цзиней зерна в год и пятьсот медных монет.

Ли Маоцюнь выпрямился и холодно ответил:

— Сто пятьдесят цзиней зерна и сотня медяков. Ты не меня одного на свет родила!

Для деревни такая доля была более чем щедрой, но жадная Чжан хотела еще поторговаться. Сын отрезал:

— Скажешь еще слово — и я уйду прямо сейчас. Ищи меня потом по всему свету, ни зерна, ни монеты не увидишь.

Старуха обиженно пробормотала что-то под нос и поднялась с пола. Ли Маоцюнь пристально посмотрел ей в глаза:

— Матушка, а тебе разве не интересно, где я пропадал всё это время?

— Ты вечно где-то болтаешься, охота мне голову забивать, — буркнула она.

Ли Бэньшань, заметив, как побледнел племянник, поспешил вмешаться:

— Хватит об этом. Иди к себе, Чжан, а мне с Маоцюнем переговорить надобно.

Старуха отряхнула пыль с подола и, уходя, не забыла напомнить, что младший задолжал ей долю за прошлый год, а то и за позапрошлый. Мать Юн-цзы с грохотом захлопнула за ней дверь.

Второй дедушка усадил племянника на кан и налил ему чашу горячей воды:

— Матушка твоя всегда такой была, не бери в голову, не стоит оно того.

Ли Маоцюнь кивнул:

— Дедушка, я эти спектакли тридцать лет смотрю. Обижаться на неё — только жизнь свою укорачивать. В этот раз я с Цинжум в Пограничье съездил, на мир посмотрел. Хотя там и люта стужа, и край света, но земли и воды — не меряно. Простору столько, что горизонта не видеть! Дичи — тьма, фазаны да зайцы под ногами крутятся, а рыбу из реки мешками таскать можно...

Слушатели замерли от изумления:

— Да быть того не может! Неужто правда?

— Я врать не стану, — Ли Маоцюнь почесал затылок. — Охотник из меня никудышный, это всё Цинжуй да Цзян Цун — вот у кого руки золотые. Я так, на подхвате был, вещи таскал...

Он развязал свой узел и вытащил из одеяла шкуру косули и стопку пушистых шкурок снежных зайцев.

Мастера в Фанъяне знали свое дело: шкурки были выделаны на славу — чистые, мягкие, мех к меху. От вида снежного зайца так и хотелось прижаться к нему щекой.

Юн-цзы не удержался и потерся расцарапанным лицом о мягкий мех:

— Какая нежность...

Мать тут же схватила его за шиворот:

— Не смей своей грязной рожей такую чистоту пачкать!

Ли Бэньшань и Ли Бэньси осторожно брали шкурки, не переставая дивоваться:

— Чудо как хороши! Заяц, а мех — плотный, густой! Ишь какой мягкий!

— Если из такого шапку справить, в любой мороз голова вспотеет!

— Такой товар небось кучу денег стоит, продать бы его — и дело с концом.

Ли Маоцюнь согласно кивал, а затем вытащил из-за пазухи сверток и развернул его перед родней. По комнате пронесся вздох изумления.

— Ох... сколько серебра! — выдохнула мать Юн-цзы, вовремя прикрыв рот рукой.

— Это что же, всё за пушнину?! — Ли Бэньшань не верил своим глазам. У него в семье народу много, хозяйство крепкое, но столько серебра разом они в руках не держали — в их сундуках и доли от этой суммы не набралось бы.

— И за травы тоже, — Маоцюнь ничего не таил от дедушек. — С нами Ли Цинчжо был, он в кореньях толк знает. Дедушки, вы бы видели те леса! На деревьях этих линчжи — не сосчитать, собирай — не хочу...

Они и грибов-то лесных нечасто видели, а уж линчжи — и подавно. Когда Маоцюнь вытащил из бумаги белые, чуть подсохшие грибы, в комнате воцарилась благоговейная тишина.

Юн-цзы вдруг спрыгнул с кана и закричал:

— Я тоже хочу с Ли Маоцюнем в Пограничье! Буду линчжи собирать да зайцев ловить!

Мать наградила его звонким подзатыльником:

— Молчи уж! Только попробуй в деревне об этом разболтать — всю задницу в кровь изобью!

Ли Маоцюнь подвинул добро к дедушкам:

— По милости Цинжужа я впервые такие деньги в руках держу. Вы столько лет моей семье помогали...

Он не договорил — голос его пресекся от слез. Ли Бэньшань крепко сжал его плечо:

— Полно тебе, Маоцюнь. Гляжу на тебя — и брата покойного вспоминаю... Не нужно нам твоего серебра. Главное, что ты в люди выбился, нам того и довольно...

Маоцюнь утер слезы:

— Я всё необходимое уже купил. В Пограничье на сотни верст ни души, там серебро тратить не на что. Пусть оно у вас будет, вдруг какая нужда прижмет.

Он настоял на своем. Ли Бэньшань, подумав, отдал ему мелкие монеты:

— Без гроша в кармане нельзя. А слитки эти я для тебя сберегу — на свадьбу да на новый дом пойдут.

При этих словах все принялись наперебой спрашивать, когда же он наконец женится — ведь и деньги теперь есть.

— Я хочу там, на севере, остаться, — ответил Ли Маоцунь. — Там края богатые, но больно уж суровые. Не могу я чужую дочку в такую глушь на муки везти.

Они еще долго спорили, что лучше — сначала жениться или сначала на новом месте обустраиваться. Как бы то ни было, теперь жизнь Маоцуня пошла в гору, и этого было довольно.

В доме Ли Цинвэня тем временем тоже шел разговор о сватовстве.

Госпожа Чэнь поначалу не хотела об этом заводить речь — дело-то было неприятное, зачем детей расстраивать? Но Ли Цинфэн, острый на язык, выпалил всё разом.

Ли Цинчжо был статен, грамотен и в медицине сведущ — в округе и впрямь не было завиднее жениха. Свахи из всех деревень давно к нему присматривались. Но юноша твердо решил: пока врачебное дело не постигнет, о женитьбе и не помыслит. Отец Ли Маосянь уважал его выбор и не торопил.

Многие об этом знали и не лезли, но нашлись и те, кто решил попытать счастья. После Нового года в северной деревне объявилась девица, чья тетка пришла к Ли свататься. Девушка была ровесницей Цинчжо и, видать, когда-то приметила его, раз в сердце любовь затаила. Семья её была зажиточной — му восемьдесят земли имели. Тетка та была уверена, что Ли с радостью согласится на такой союз.

Но матушка Чэнь сразу ответила отказом. Тетка не унималась:

— Мы и приданого богатого не пожалеем! Пусть ваш сын хоть десять лет учится, семья ни в чем нужды знать не будет.

Но матушка была непреклонна. Тетка ушла ни с чем, затаив обиду.

Случилось так, что в ту же ночь та девушка оступилась, ударилась головой о камень и долго пролежала без чувств. А когда очнулась, стала сама не своя — заговорила путано, впала в меланхолию. Её родня в гневе обвинила Ли Цинчжо во всех бедах: дескать, судьба у него тяжелая, кто с ним свяжется — тот несчастье накличет.

Госпожа Чэнь едва не задохнулась от возмущения: сами пришли, им отказали, девка сама свалилась — а виноваты другие! Но когда слухи пошли по округе, стало не до смеха. Даже знакомые стали спрашивать, что за чертовщина творится. А потом кто-то пустил слух, будто Цинчжо потому не женится, что людей изводит, и даже младшего брата он специально в дурачки определил.

От такой клеветы матушка Чэнь слегла с головной болью и несколько дней не могла смотреть на еду.

Ли Цинчжо, выслушав рассказ младшего брата, лишь спокойно промолвил:

— Матушка, пустые это речи. Не стоит на них и крохи своего спокойствия тратить.

Госпожа Чэнь вздохнула:

— Отец твой и невестка то же говорят. Я на этих сплетниц не в обиде, но сердце болит: уедешь ты в столицу на годы, а женитьба твоя еще на вечность отложится...

— Второму брату всего восемнадцать, куда спешить? — Ли Цинвэнь, лежа на кане, подпер голову рукой. — Сначала дело, а семья подождет.

— Вот именно! Я тоже жениться не тороплюсь, — подхватил Ли Цинфэн, болтая ногой. — Не хочу, как старший брат: уедешь — и только о жене да детях думаешь.

Малыш Ли Чжэнсин, услышав упоминание о себе, уставился надвигающуюся ногу дяди и, кричась, пополз по кану, переваливаясь через лежащих братьев. Цинфэн усадил его на колени и принялся подбрасывать вверх-вниз. Ли Чжэнсину это быстро надоело, он заерзал, пытаясь слезть, но четвёртый брат крепко держал его, не отпуская.

Госпожа Чэнь улыбнулась:

— Слыхали? Еще молоко на губах не обсохло, а уже о холостяцкой жизни мечтают.

Ли Цинвэнь вдруг сел и серьезно проговорил:

— Матушка, давайте сразу уговоримся: если я в будущем решу не жениться, вы с отцом меня неволить не станете.

В прошлой жизни он привык к мысли о поздних браках и становится отцом в шестнадцать лет совсем не горел желанием.

Госпожа Чэнь повернулась к мужу:

— Послушай только: один другого краше, все в бобыли записались!

Ли Маосянь усмехнулся:

— Сейчас-то это только слова. Подрастут — и запоют иначе.

Сынок про себя подумал, что и через двадцать лет вряд ли передумает. Вспомнив о делах семейных, он спросил:

— А как там наша тетушка поживает?

Ли Маосянь на мгновение замолчал, а затем ответил:

— Муж её спьяну дел натворил. Я как приехал, он в ноги повалился, вину признал, клялся, что больше руки не поднимет.

Ли Цинфэн, заставив племянника расплакаться от слишком бурных игр, наконец отпустил его и скривился:

— Горбатого могила исправит. Кто знает, когда на него снова морок найдёт? Отец, надо было вам его как следует проучить, чтобы кости затрещали.

Ли Цинхун мягко возразил:

— Негоже так о старших... Мы с отцом хотели тетю забрать, да она ни в какую. Всё мужа выгораживает: мол, и старики в доме, и дети малые, куда она пойдёт?

Юноша только фыркнул:

— Мужик, который на женщину руку поднял, недостойн и вздоха лишнего. Какое он мне «старшее поколение»? Будь я там, я бы ему первым делом руку вывернул да спросил: больно ли? Вот пусть бы он потом и думал, прежде чем на тетку замахиваться. Где он её ударил, там бы у него и кость хрустнула.

Обычно за такие речи отец его журил, но сегодня лишь промолчал.

Ли Цинвэнь понимал: дело это непростое. Вышла замуж — значит, мужу подвластна, а родня далеко, и за каждым его вздохом не уследишь. Если исправится — благо, а если нет...

Ли Маосянь решил не беречь раны при детях и сменил тему:

— Чуть не забыл! Давеча письмо от Дяди Циня пришло. Они там не только патоку из сорго выварили, но и в твердый сахар её превратили! Даже кусок на пробу с письмом передали.

Эта весть поразила Ли Цинвэня. Он знал, что превращение патоки в твердый сахар требует особого мастерства. Неужели в уезде Ли так быстро освоили этот процесс?

Госпожа Цзян принесла из пристройки сверток и положила на стол. На промасленной бумаге лежал красновато-желтый кусок сахара размером с чашу. На вид он был грубоватым, но сам факт его существования был огромным прорывом.

Сынок осторожно отломил кусочек и положил в рот. Сладко! Чувствовались крупинки сахара, вкус был насыщенным.

Не успел он глазом моргнуть, как Ли Чжэнлянь подскочил и слизал остатки сахара с его пальцев. Мальчик вытер ему рот:

— Расти большим, малыш. Скоро твой дядя столько сахара наделает — ешь, сколько влезет!

Ли Чжэнлянь в восторге закивал.

— Отец, Дядя Цинь — настоящий мастер, — проговорил Ли Цинвэнь. — Он не писал, как им это удалось?

— Писал, что, кроме извести, стали добавлять сок травы инцао, — ответил Ли Маосянь. — У них там нашелся умелец, что в южных краях на сахарных заводах работал. Они и давящую построили, точь-в-точь как ты описывал: на конной тяге. Человеку только и надо, что стебли между валами подсовывать.

— А что это за трава такая, инцао? — Ли Цинвэнь о ней и не слыхивал.

— Да сорняк неприметный, у нас её «травой-веером» кличут. Только скотина её и ест, а вишь ты — какой прок от неё вышел, — дивовался отец.

— А властям они об этом доложили?

Этот вопрос не давал покою Сынку. Отец-то не рискнул в уезд Люшань идти, но дело такое

бросать нельзя было.

— Доложили. Теперь Дядю Циня и главу уезда Чжу в столицу вызывают, ради этого дела, — Ли Маосянь наконец улыбнулся. — Сынок, великое ты дело совершил!

— Отец, я только идею подал, — скромно ответил Ли Цинвэнь. — Самое трудное — это всё наладить. Дядя Цинь и его люди — вот кто молодцы. То, что они награду получают — по справедливости.

Видя, что сын не кичится успехом, Ли Маосянь еще больше возрадовался.

Тут Ли Цинчжо напомнил:

— Отец, я тушь и бумагу привез. Сынку пора за грамоту браться.

Ли Цинвэнь, понимая, что ученья не избежать, указал на братьев:

— Тогда и Третьему с Четвертым братом тоже учиться надо! Нельзя обделять их. Да и племянников пора с малых лет к книгам приучать.

Ли Цинфэн схватил его за плечи и шутливо зарычал:

— Сынок! Да ты в этой поездке совсем испортился! Решил братьев известить?!

— Ой, холодно! Четвертый брат, руки убери! — Ли Цинвэнь, смеясь, пытался увернуться. — Старший брат Цзян, спаси меня!

Тут же он осекся — его единственный заступник был за тысячи ли отсюда, и на помощь звать было бесполезно.

Ли Цинжуй рассмеялся:

— Цзян Цун за эти месяцы совсем разбаловал Сынка. Там, в Пограничье, никто его и пальцем тронуть не смел, он там королем ходил. Видно, еще не привык к домашним порядкам!

— Никто тебе теперь не поможет! — гремел Ли Цинфэн, щекоча брата.

Ли Цинвэнь, катаясь по кану, взмолился о пощаде:

— Четвертый брат, я... я больше не буду! Попрошу отца, чтобы он тебя не заставлял...

— Поздно! — угрожал Цинфэн. — В следующий раз в Пограничье меня с собой возьмешь, понял?

Ли Цинвэнь, едва не плача от смеха, закивал.

Госпожа Чэнь уняла Ли Цинфэна, поправляя рубаху младшему:

— Даже если Сынок просить не станет, учиться тебе всё равно придется. Думал, отлынивать вечно будешь?

Четвёртый брат рухнул на постель:

— Не хочу я в книги смотреть! Хочу в седле скакать, из лука стрелять, саблей махать...

Маленький Чжэнлянь тут же подхватил:

— Я тоже хочу как четвёртый дядя! Хочу на лошади! Можно мне на той, что во дворе?

Ли Цинфэн вскочил: он и забыл, что теперь у них во дворе настоящий конь стоит.

Сынок преградил ему путь:

— Это мне Старший брат Цзян подарил! Четвертый брат, если хочешь учиться верховой езде — я тебе другую кобылу куплю, честное слово.

Ли Цинфэн вскинул брови:

— Что, — выходит, я теперь твоему Старшему брату Цзяну и в подметки не гожусь?

— Вовсе нет... — Ли Цинвэнь насупился. — Тяньцзао столько верст отмерила, ей отдых нужен. Как в себя придет, я сам тебя в седло посажу.

— Тяньцзао? Сладкий финик? — переспросил четвёртый брат. — Это еще что?

— Кличка такая... — прошептал мальчик. — Разве она цветом на спелый финик не похожа?

Ли Цинфэн хмыкнул:

— А по мне, так её Лэйдянь назвать надо — несется, небось, быстрее молнии!

Глядя на их возню, госпожа Чэнь подметила:

— Сынок после поездки будто ожил. Смелее стал, шутит больше, и голос окреп.

— Правда, матушка? — Ли Цинвэнь потрогал свои щеки. — Может, я там линчжи тысячелетний ненароком съел?

— Вишь, и поддразнивать научился, — засмеялся Ли Цинхун. — Матушка правду говорит: стал ты душой компании.

— И то верно: с Цзян Цуном они не разлей вода стали, — добавил Ли Цинжуй. — Странно даже: раньше-то они и дня вместе не провели. А в этой поездке — Сынок сразу побежал Цзян Цуну постель греть. Я, родной брат, такой чести ни разу не удостоился!

Ли Цинчжо тоже не упустил случая подшутить:

— На обратном пути, как спать ложимся — он и во сне всё «Брат» да «Брат» шепчет. Нас-то он по именам зовет, а как «Брат» скажет — так сразу ясно, о ком речь. С такой нежностью выговаривает!

— А меня зовет «младший четвертый брат» — целых три слова! Выходит, я ему совсем чужой!
— притворно возмутился Ли Цинфэн.

Сынок, оказавшись под прицелом шуток, растерялся и юркнул за спину отца:

— Папа, да что это с ними сегодня?..

Ли Маосянь сделал серьезное лицо:

— Я и сам хотел спросить: что это с тобой? Только порог переступил — и уже на север рвешься. Не боишься, что у отца с матерью сердца не выдержат?

Ли Цинвэнь с надеждой посмотрел на невестку:

— Сестра, спаси меня!

Госпожа Цзян лишь прикрыла рот ладонью, посмеиваясь.

Мальчик с мольбой взглянул на племянника:

— Чжэнлян...

— Дядя, я на лошадке хочу!

Ли Цинвэнь подхватил на руки второго племянника, Чжэнсина, и воскликнул:

— Ну всё, малыш, только мы с тобой друг у друга остались!

Ребенок испугался внезапного порыва и с плачем потянулся к матери. Вся комната взорвалась смехом.

Сумерки опустились на деревню незаметно. Ли Цинвэнь, вдоволь належавшись, решил приготовить ужин. Он состряпал нехитрое тофу с овощами и поджарил яйца в соевом соусе, а госпожа Цзян потушила свою знаменитую кислую капусту.

Сынок купил два железных котла: один решил оставить дома, а второй — взять с собой в Пограничный город. Пока печи в доме были старые, пришлось обходиться глиняной посудой.

Перед сном Ли Цинвэнь достал мешок, что стоял на подоконнике. Он долго разглядывал вещи внутри: старые, потертые — всё то, чем Цзян Цун пользовался годами...

Ли Цинхун, заметив его взгляд, тихо спросил:

— Скучаешь по Старшему брату Цзяну?

Сынок молча кивнул. Как бы бодро они ни рассуждали о будущем, Цзян Цун по-прежнему оставался ссыльным. И мальчика пугали не метели севера, а коварство людское. Нужно было скорее заработать серебро!

Он отложил мешок и улегся на кан.

— Третий брат, — прошептал он в темноте. — Если я немного подрасту и уеду в Пограничье, отец с матерью будут меньше беспокоиться?

— Куда там, — отозвался Ли Цинхун. — Будь у тебя борода до колен, они всё равно за тебя дрожать будут.

Ли Цинвэнь улыбнулся. Ли Цинфэн высунул голову из-под одеяла:

— Сынок, даже не думай один ехать. В этот раз, если ты не соберешься, я тебя сам туда потащу!

— Я поеду, — Сынок смотрел на размытый лунный свет в окне. — Дома я за Старшего брата Цзяна боюсь, а там буду за вас переживать. Он ведь не может оттуда уйти...

— Так пусть отец с матерью тоже туда перебираются, — бросил четвёртый брат.

— Как это возможно? — возразил Ли Цинхун. — Здесь наши корни. Наш род здесь десятилетиями землю пахал. Здесь наши близкие, наши предки. Мы все друг с другом связаны.

Ли Цинфэн скривился:

— Вечно ты отца цитируешь! Какие корни? Шестой дедушка мне сказывал, что прадеды наши не здесь родились. От голода бежали, так сюда и прибились.

Ли Цинхун вздохнул:

— Бежали, когда жизнь немоготу стала. От нужды и смерти в чужие края подались. Ты хоть знаешь, сколько людей в тех походах полегло? Не так это весело, как ты думаешь.

— Да пока мы сахар варить не начали, жили не лучше других! Вечно впроголодь, вечно под угрозой недорода. Не вижу я в этой земле ничего особенного.

— Опять ты за свое! — голос Ли Цинхуна стал строже. — Ты не забывай, что эта земля наших предков спасла. Не будь её — не было бы и нас. Не смей такими словами бросаться! Ты думаешь, почему второй дедушка за каждую нашу мелочь радуется? Потому что мы — одна кровь. Только держась друг за друга, мы выстоим. Отец ведь не зря говорит: «Одинокое дерево леса не составит, один человек — не толпа». Только вместе мы далеко уйдем.

— Да я же просто так сказал, чего ты сразу кипятишься! — четвёртый брат отвернулся к стене. — Вместо того чтобы прозябать в этой глуши, я хочу повидать мир.

В комнате воцарилась тишина. Ли Цинвэнь тихо промолвил:

— Четвертый брат, завтра я научу тебя верховой езде. Только заниматься будем недолго, чтобы Тяньцзао не переутомить.

— Вот Сынок — настоящий человек, не то что некоторые.

Ли Цинхун лишь вздохнул напоследок:

— Чужбина — она не такая сладкая, как кажется. Ты слышал: там и жизни лишиться — раз плюнуть.

— Ну и пусть. Смерть — она везде смерть, — беспечно бросил Ли Цинфэн. — Думаешь, в деревне безопаснее? Матушка рассказывала, сколько людей от голода померло, а кто-то и просто на ровном месте шею свернул. Если уж Судье Загробного мира твоя душа понадобится, он и императора из дворца вытащит.

Сынок понял: четвёртый брат не успокоится, пока не вырвется на волю. Тяга к странствиям стала для него самой жизнью.

<http://bllate.org/book/15828/1440136>